

Терминологическое обозначение логики как признак логической культуры

И.И. Иванова, Кыргызско-Российский Славянский университет (Бишкек)

ivanova_ii@mail.ru

Логика как феномен науки обозначается множеством синонимов, в то время как практическое речевое обращение со словом «логика» отличается редкой омонимией. Исторически первым термином для обозначения логической науки, например, было слово «канон» (Демокрит), затем последовали «диалектика», «эпагогэ» и «майевтика» (Сократ), «сюнагогэ» (Платон), «аналитики» (Аристотель), «каноника» (Навсифан, Эпикур, Филодем), «эпилогизмос» (эпикурейцы), «логика» (стоики), «органон» (перипатетики), опять «диалектика» (средневековые логики) и, наконец, окончательно «логика» (П. Абеляр). Иными словами, логика далеко не всегда обозначалась словом «логика», в то время как под этим же названием зачастую скрывались и по разным причинам продолжают скрываться феномены, весьма далекие от действительной логики (причем это могут быть совсем не обязательно объекты из сферы идеального).

Конечно, чаще всего логикой называют мыслительные процессы и лежащие в их основе закономерности: «логика рассуждения», «логика мышления», «ход логики», «нарушение элементарной логики». Однако нередки случаи именованья этим же словом также и объектов онтологической («логика мирового развития», «логика бытия») или социальной природы («жизненная логика», «логика истории», «логика экономики», «логика войны», «логика революции»). Кроме того, «логику» используют – так уж сложилось в естественном языке – для обозначения диалектики как некоторого универсального учения строгого характера («логика всеобщих законов развития», «логика диалектического отрицания», «логика единичного и общего», «материалистическая логика»), диалектики как учения о развитии только мышления (гегелевские «наука логики» и «диалектическая логика»), теории познания («логика познания», «логика истины»), методологии («философская логика», «логика математики», «логика права», «логика эксперимента»), психологии («особенности его логики», «логика поведения», «женская логика», «мужская логика», «нехитрая логика обывателя»), социальной психологии («логика толерантности», «логика общения», «логика взаимоотношений», «логика доверия»), текстологии («логика изложения», «логика повествования»), просто осмысленности некоторого высказывания («наличие логики», «на базе логики», «логическое мышление»).

Омонимия «логики», часто сопровождаемая метафорическим предпочтением переносного смысла смыслу собственному, приводит к тому, что реже всего, как ни странно, под словом «логика» подразумевают собственно логику («наука логика», «формальная логика», «математическая логика», «традиционная логика», «школьная логика», «классическая логика», «неклассическая логика»). Большинство же значений слова «логика» просто совпадает с закономерностью как таковой, хотя имеют место и плеоназмы («аналитическая логика»), и антонимические омонимы («алогичная логика»). Причем для последних характерно то, что они являются оксюморонами по отношению не к любой закономерности, а лишь к закономерности мыслительной: «парадоксальная логика», «женская логика», «логика абсурда», «невероятная логика».

Безусловно, источником возникновения подобных смешений является специфика естественного языка, в рамках которого омонимия признается нормальным явлением. По этой причине одно и то же слово «логика» используется для обозначения в действительности разных объектов, а выявлять данное обстоятельство удастся только при тщательном анализе контекста. Например, если рациональное противопоставляется иррациональному, то рациональность отождествляется с логикой, а если оно же противопоставляется чувственно-эмпирическому, тогда – с абстрактным мышлением.

Обычно же происходит отождествление словосочетаний «абстрактное мышление», «логическое мышление», «рациональное мышление». При этом, впрочем, остаются открытыми вопросы, всякое ли абстрактное мышление является логическим и о какой, собственно, логике – формальной или диалектической – ведется речь. И не всякому приходит в голову, что в таких, например, контекстах, как «логика развития», «логика истории», «логика права», «социальная логика» и «логика толерантности», на самом деле говорят не о мышлении, а об онтологии, социологии или социальной психологии.

Наибольшую же озабоченность вызывает современная практика логических и логико-философских рассуждений, избобилующая случаями неосторожного обращения с такими важными для логики категориями, как язык и мышление. Так, например, А.А. Ивин и А.Л. Никифоров в своем «Словаре по логике» (1997) говорят о понятии только как общем имени и при этом замечают, что «В современной логике термины “понятие”, суждение и умозаключение употребляются редко» [С.272]. И даже по этой короткой цитате можно судить, насколько неважной в профессиональной логической среде стала считаться языковая культура (достаточно посмотреть на обращение с метаязыковыми кавычками) и насколько поверхностными сделались **металогические** рассуждения. Или, скажем, омонимичное употребление самими логиками слова «логика» в одном и том же контексте: немецкие авторы Г. Пауль и Х. Ленк всего лишь на семи расположенных подряд строчках сначала (в контексте «теорий логики, разработанных на “Западе”») употребляют «логику» в смысле науки, затем – в смысле универсальных закономерностей, лежащих в основе мыслительных процессов, и, наконец (в контексте «понятия о правилах поведения»), – в чисто ментальном, психологическом смысле [Логика и культура // Вопросы философии. 2011. №7. С.45].

В первую очередь нетерминологичным – отстоящим слишком далеко от идеала однозначности – становится язык самой логики. Более того, выражения «термин» и «слово» в ней самой используются в качестве синонимов так же, как и в обыденном языке. И когда вспоминаешь, сколько сил у логиков прошлого было потрачено на то, чтобы из десятка смыслов слова «смысл» выбрать единственно подходящий смысл («концепт»), а среди такого же десятка значений слова «значение» найти только значение «денотат», то никак не можешь понять, откуда в теперешней логике возникают словосочетания типа «логическое соотношение обязанностей и прав» (вместо «логическое соотношение понятий “обязанности” и “права”»), «дескриптивное понятие» (вместо «дескриптивное имя») или «конструктивное понятие» (вместо «понятие конструктивной логики»). Откуда берутся выражения наподобие «модальность прав и обязанностей» (вместо «модальность высказываний о правах и обязанностях») и откуда проистекает тенденция рассматривать требование выявлять логические отношения только между объектами логической же природы как якобы запрет на использование логики в исследовании объектов в том числе и нелогической природы?

Возможно, представленная здесь ситуация объясняется характером современной научной парадигмы, обычно называемой постнеклассической рациональностью (с ее требованием междисциплинарности, синергичности, антропности). Но возможно и то, что такая парадигма, демонстрирующая научную легковесность и безответственность за порождение внутри самой логики дискредитирующих ее процессов, на самом деле является не причиной, а следствием создавшегося положения. Во всяком случае, допустимо утверждать, что распространение в профессиональной логике дилетантизма (под прикрытием лозунга междисциплинарности), усиление отнюдь не безопасных тенденций ее психологизации (якобы из приверженности принципу антропности) и все большая утрата ею четких предметных контуров (в следовании за современной модой синергичности) во многом объясняется небрежностью самих логиков. Небрежностью, которая грозит утратой логики и как науки, и как особой культуры мышления.